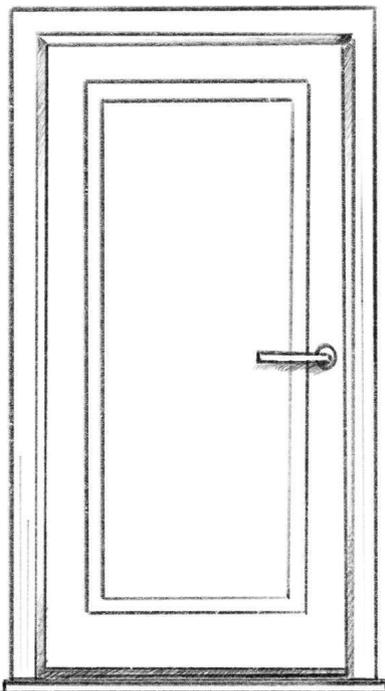

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. СТАВКА	11
ГЛАВА 2. КЛИЕНТ ВСЕГДА.....	43
ГЛАВА 3. ЧЕГО РАДИ.....	157
ГЛАВА 4. КАКОЙ ЦЕНОЙ	325
ГЛАВА 5. ЧЕМ ЧЕРТ НЕ ШУТИТ	419
ВСТРЕЧА С АВТОРОМ КНИГИ	541
КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ ХАРСКИЙ.....	541

ПРЕДИ-
СЛОВИЕ

Сколько сам занимаюсь продажами, всегда хотел написать книгу о человеке, который становится продавцом. Примерно с 1994–95 года. Три раза начинал и три раза выбрасывал написанное. Перед вами – четвёртая попытка осилить тему становления продавца. Мой опыт показывает, что продавцом может стать каждый из нас. Только должны сложиться условия. Нужны особые обстоятельства жизни. Тот, у кого всё есть и кто не хочет большего, продавцом не станет. Однако хотеть недостаточно – нужно узнать технологию. Как в любой профессии. Кузнец не куёт наугад. Водитель не управляет машиной наугад. Бухгалтер не записывает цифры наугад. Так и продавцу надо узнать технологию работы. Хотеть и знать технологию недостаточно. Продавец должен найти наставника, который передаст ему невысказанную суть работы то, что в учебниках не может быть описано. Нет таких слов.

Я хотел показать профессию продавца во всей её красоте и могуществе. Знаю, что сейчас, до прочтения книги, многим в это непросто поверить. Но я горжусь тем, что причисляю себя к продавцам. Мне нравится наблюдать за работой хорошего продавца. Мне стыдно за коллегу, который не любит, стесняется, стыдится продавать и поэтому только портит дело. Хочется посоветовать такому продавцу: отойди, хотя бы не мешай, они сами всё

Осторожно, двери открываются

купят. Не можешь делать жизнь людей лучше — ну так не делай её хуже. Не лги, не злоупотребляй доверием.

Хочу, чтобы продавец, прочитав эту книгу, захотел передать её другому и сказать: «Вот почему я посвятил себя продажам».

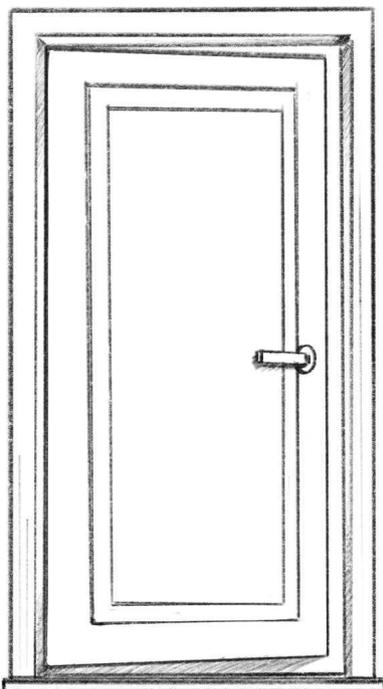
Благодарю всех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги. Вас много! Очень много! Благодарен каждому.

Буду рад вашим письмам.

Ваш Константин Харский

kv.harsky@gmail.com

Книга основана на реальных событиях. Все герои придуманы автором от имени и внешности до мыслей и поступков. Все совпадения в именах, названиях и местах действия случайны.

Глава I
СТАВКА

Человек не проживает жизнь, к которой готовился.
Человек не проживает жизнь, о которой мечтал.
Человек не проживает жизнь, которой достоин.
Человек проживает жизнь, на которую решился.

Ночной город. Спальный район. Редкие прохожие. Матвей родился в этом районе и прожил здесь двадцать пять лет, но чувствовал себя неуютно. Он хотел поскорее очутиться дома, но прежде надо было зайти в магазин и купить что-то на ужин. Брат, Пётр, уехал на целую неделю в командировку, поэтому об ужине приходилось беспокоиться самому.

Матвей зашел в магазин. В магазине было пусто. Девушка за кассой и никого в зале. Матвей прошёлся вдоль полок. Он не знал, чего ему хочется, но понимал, что уснуть голодным будет непросто.

«Одних фруктов будет недостаточно, — думал Матвей. — Почему бы им просто не сделать такие наборы: “Еда на ужин”, “Еда на завтрак”, “Ужин для одинокого”, “Ужин для верстальщика”...»

— Молодой человек, вы будете покупать или так смотрите? — спросила кассирша. — У нас рабочий день заканчивается.

Матвей посмотрел на часы. Без двенадцати минут десять.

— Сейчас куплю. У меня ещё двенадцать минут есть.

Кассирша взяла свой мобильный, набрала номер и сказала в трубку:

— Сашик, тут какой-то хам грубит и угрожает. Ага, походи с ребятами.

Матвей сначала удивился: «О ком она говорит, если мы в магазине вдвоём?», а когда из подсобки вышли трое и, нагло улыбаясь, направились к нему, то Матвей понял, что хамом кассирша назвала его, и испугался. Он повернулся к полке и взял печенье, которое оказалось напротив его глаз.

— Поклади на место. Ты чего тут свои правила решил утвердить? — один из парней стоял рядом с Матвеем, дерзко смотрел на него и ждал любого ответа, чтобы придраться к сказанным словам. Матвей знал такое поведение, но избегал драк и, как любой, кто не умеет и не любит драться, считал, что любую проблему можно решить словами.

Матвей положил печенье на полку и направился к выходу.

— А ну, стоямба! Кто дал команду уходить? Как ты печенье положил, урод?!

Матвей посмотрел на печенье: оно лежало в точности так, как и раньше. Матвей молча пошёл на выход.

— Стоять, на. Ты чё так себя ведёшь? Нагрубил нашей Гале и в кусты. Кто отвечать будет за базар? Стоять, я сказал!

— Я разве грубил вам? — Матвей обратился к кассирше.

— Ты теперь не с ней, ты теперь со мной дело имеешь. Сюда говори. Здесь твоя судьба решается.

Матвей смотрел на кассиршу в ожидании, может, она скажет своим защитникам, что погорячилась, ничего не было, это всё шутка и уже достаточно. Однако Галина, похоже, сама с любопытством ждала продолжения: скучный день, монотонная работа — её можно понять. Матвей не хотел развлекать эту компанию. Ему оставалось пройти мимо кассы. Ещё несколько метров до двери и там, на улице, направо метров сто пятьдесят, его дом, но один из подручных Сашика опередил его, забежал вперед, закрыл дверь на замок и повернул табличку. Закрыто.

— Проси прощения у Гали, — Сашик разминал кисти рук, похрустывая пальцами.

— Извините. Я не хотел вас обидеть и не знаю, что я сделал не так.

— Ты напрасно родился. Не надо было рождаться, понимаешь? — впервые один из подручных Сашика подал голос.

— Видишь, Галя не прощает тебя. Ведь не прощает, Галя? — Сашик улыбался во весь рот. Он чувствовал себя главным. И ему, и Галине это нравилось. Даже друзьям Сашика нравилось видеть его главным. Матвей понял, что без драки ему не уйти отсюда. Мозг напряженно работал в поисках выхода. Попросить прощения у всей компании? Это ничего не даст. Один против трёх хулиганов? Секция плавания, на которую его с таким энтузиазмом водила мама, сейчас не поможет. Не уплыть!

— Что вам надо? — Матвей обратился к Сашiku.

— Ты задержал нас. Магазин закрылся. Из-за тебя мы работаем сверхурочно. Хозяин нам за это не заплатит, на. Может быть, ты оплатишь сверхурочную работу?

— Я не оставлял вас сверхурочно и не делал ничего такого.

— Какого? Какого ты тут мямлишь? Говори, как человек. Виноват — отвечай. Давай нам по тыще, получи в бубен, чтобы не забыть урок, и двигай к маме.

— Я не собираюсь давать вам деньги, — в горле предательски пересохло. Матвею приходилось говорить через силу. — Я не сделал ничего такого. Я просто хотел купить фрукты. На ужин.

Парни засмеялись складываясь пополам, переглядываясь и тыча в Матвея пальцем.

— Фрукты? У тебя баба-то есть, нет?

— Резиновая!

Снова раскаты смеха. Матвей видел, что обстановка разряжается, вздохнул с облегчением и двинулся к двери с намерением открыть её и выйти на улицу.

— Ты куда, петушок? Мы не закончили. Мы даже ещё не начинали. Деньги ты не дашь. Это понятно. Мужик сказал... — Сашик многозначительно посмотрел на Галю, — мужик сделал. Чёрт с ними, с твоими деньгами. Дай нам хоть побить тебя. Чутка. Для удовольствия. Если ты тряпка, то ложись на пол. Буду бить ногами. Если мужик — стой, пока можешь. Ну правда всё равно потом — ногами. Без этого никак нельзя. Голову не закрывай, тогда по голове бить не буду.

Матвей попятился к стоящим корзинам и взял одну из них.

— Хочешь с оружием драться? Не засышь меня убить этой корзиной? Не? Тогда я тоже свой ножичек достану? Начнём?

— Сашик, не хватало ещё в магазине кровью всё перепачкать! Идите на улицу, там деритесь. Мне надоело, — в голосе Гали появились нотки страха. Если что-то серьёзное произойдёт в магазине, ей несдобровать. А если на улице — знать ничего не знаю.

Подручный, который стоял у двери, по кивку Сашика открыл дверь и пригласил Матвея на выход. Матвей поставил корзинку на пол, сделал два шага к двери и побежал. Он выскочил на улицу, круто повернул направо, чтобы его не мог схватить сообщник Сашика, прикуривавший сигарету, и побежал к дому. Из-за шума своих шагов, из-за громкого дыхания, из-за колотящегося сердца Матвей не мог понять, есть ли за ним погоня. Он решил, что, когда выбежит на свет возле дома, оглянется и, если есть погоня, побежит дальше, пока не встретит хоть кого-нибудь. Выбежав на освещённое место, Матвей оглянулся. Погони не было. Хулиганам и этого было достаточно. У них теперь на неделю есть темы для разговоров. Как она позвонила. Как они вышли. Как он мямлил. И, конечно, как он убежал.

* * *

Закрыв за собой дверь, Матвей ещё некоторое время сидел на тесной кухоньке в темноте. Дыхание восстановилось. Сердце успокоилось, и только мысли бушевали. Не надо было с ними разговаривать! Надо было сразу выйти из магазина. Надо было ему сказать, что нормальные люди сначала всё выясняют, а потом за нож хватаются! Надо было дать ему в морду, и будь что будет!

Матвей знал, что теперь несколько дней он будет изводить себя мыслями о том, как мог бы повести себя. О том, как повёл бы себя Сашик, если бы Матвей был не один, а, например, с парнями из группы, из института. Или о том, что было бы, если бы Матвей мог драться. Он бы при этой Гале уделал её любовничка так, что ему точно потребовалась бы скорая помощь.

Матвей заварил чай. Была ещё крупа. Но каши Матвей не хотел.

Матвей задумался, почему он такой, почему его жизнь складывается именно так? Почему какой-то гопник имеет над ним такую власть? Что, он больше других боится боли? Нет. Он боится унижения? А это разве не было унижением? Матвей сам не заметил, как погрузился в дремотное состояние, и вспомнил, как он учился ездить на велосипеде. Упал. Плакал. Как кто-то потом сказал: «Нет, Матвейюшка не любит велосипеды. Он с них падает и разбивается». Чей это был голос? Матвей не мог вспомнить. Наверное, это или бабушка, у которой он гостил, или мама. Скорее всего, бабушка. Та была боязливой, опасливой. Всё, по её мнению, было страшно, опасно, вредно. И бо-бо!

Слишком просто представить, что у Сашика не было бабушки, которая бы заботилась и говорила: «Больно будет, страшно там, не ходи». Если бабушки не было — тогда понятно. А если была и тоже страшила? Что Сашик ей отвечал? «Наверняка, — думал Матвей, — Сашик

может кататься на велосипеде. Пусть лет двадцать не катался — главное, что может. А я — нет. Страшно падать! Страшно падать, а не могу кататься. Какая-то несправедливость. Ну, если тебе страшно падать — учишься не падать, при чём тут катание? Это всё равно, что бояться чайника и не завтракать. Боишься чайника, ладно, можно понять. Он опасный, горячий и норовит опрокинуться. Боишься чайника, ладно, бойся. Тогда завтракай соком. Зачем так обобщать? Велосипедисты катаются и не падают. Научились кататься и не падают».

Матвей знал, что сейчас ему придёт в голову «свежая» мысль записаться в секцию бокса. Или карате. Или что там ещё есть? Он закончит её и будет, как Стивен Сигал, всех раскидывать. Сигал, наверное, ходит по своей Америке и ждёт, что кто-то его заденет. Обидно, когда умеешь делать болевой прием, а показать не на ком, все от тебя убегают. Матвей горько улыбнулся. Он знал, что никуда не пойдёт. Знал, что ничего не изменится. Знал, что будет обходить этот магазин стороной. Стороной. Стороной.

«То есть сейчас эти хулиганы, даже не избив меня, не нанеся никаких увечий, отняли у меня право ходить той дорогой, которой я хочу ходить?! Это они решили, где мне ходить, а где нет?! Я согласен, что в этом магазине я ничего не буду покупать. Это понятно. Как говорит мой друг Андрей: «Пока этот магазин не мой, я туда ни ногой!» Вообще-то, он так говорит про алкогольный магазин. Купить бы этот магазин и выгнать и Галю, и всю её шайку. Это ведь с её подачи всё началось! Она там заводила». Матвей понял, что отвлекся от какой-то важной мысли. Он не хотел мириться с тем, что хулиганы без боя отняли у него часть территории, по которой он имел полное право ходить. «Нельзя уступать территорию! Так дело дойдет до того, что только квартира будет островком безопасности. Даже не безопасности, а присутствия.

А чтобы присутствовать на другой территории, надо у кого-то спрашивать разрешения. У Гали и Сашика!»

Матвей чувствовал протест внутри. Он не смог бы его описать или объяснить. Почему для него вдруг стала настолько нестерпимой мысль, что по этой конкретной тропинке от автобусной остановки до дома он теперь не сможет ходить? Ну ладно, будет ходить другой дорогой, вокруг пятнадцатого дома, чуть-чуть дальше. Матвей удивлялся, откуда взялась такая решимость. Он понял, что не хочет откладывать до завтра. Он хочет сейчас пройти по этой дорожке и оставить за собой право определять, что ему можно, а что нет. А что, если эти трое ещё там? Пускай, он всё равно пройдёт по тропинке мимо магазина!

Странная смесь страха и решимости. Матвей понял: если он сейчас не сделает этого, если он не пройдёт по дорожке, то что-то внутри него сломается и это что-то будет уже не починить. Даже если будет драка. Даже если его ударят ножом! Нельзя сделать вид, что ничего не произошло, и просто лечь спать. Он пойдёт туда! Он не будет провоцировать драку. Ему нужно пройти до остановки и обратно. Он победит страх и проживёт свою жизнь, а не жизнь, которую ему позволит Сашик, на территории, которую ему оставит Сашик.

«Я справлюсь, чего бы мне это ни стоило. Я не буду бояться! Хватит! Я пойду и сделаю это». Матвей не знал, что такое «это», но был готов сделать всё, что потребуется, чтобы вернуть себе территорию, которую отдал без боя. Он осмотрел себя. Надо переодеться, надеть чистую одежду и снять часы. Крестик! Матвей вспомнил какое-то произведение из школьной программы. Там у кого-то во время кулачного боя крестик то ли повредил грудь бойца, то ли защитил – Матвей не вспомнил.

«Когда вернусь – погуглю», – решил Матвей улыбаясь, ликуя от своей решимости. Крестик решил оста-

вить. Зашёл на кухню. Посмотрел на ножи. Нет, тупые. Брат каждый раз, когда отрезает хлеб, говорит, что надо их наточить. Матвей взял с полки скалку. Смешной, со скалкой. Нет. Враги помрут от смеха, а я буду виновен, и ничто не смягчит мою вину. Пойду так. А что я им скажу? Скажу, что мне на автобус? В это время ходят автобусы? Я не обязан им ничего объяснять! Это мой город! Хочу и хожу. Собачку выгуливаю, вот и побегал, потому что время выгуливать собачку пришло.

Матвей выложил из кармана куртки телефон. Посмотрел на себя в зеркало. Рэмбо. Первая кровь. Середина мая. «Не замерзну. А замерзну, так побегаю», — Матвей снял куртку и, взяв с собой только ключи от квартиры, вышел.

* * *

Бегом спустился с третьего этажа и быстрым шагом, вприпрыжку, как он это делал, когда в младших классах спешил в школу, направился к остановке. Дорожка проходила у входа в злополучный магазин. Матвей знал, что он подойдёт к дверям. Остановится. Заглянет. Дальше будь что будет. Прежнего Матвея, который испугался драки, больше нет. «Бей в кость!», — он не знал, что это значит, но в каком-то фильме один боксёр советовал другому именно это. Кажется, Матвей летел к месту, где, возможно, пройдёт его первая настоящая драка, как будто на свидание. И настроение было такое же. Ликование. Наверное, викинги, наевшись мухоморов, или что они там с ними делали, так же шли на смерть. С ликованием! «Сейчас я сделаю всё, что должен. Они подумают, что брат-близнец пришёл мстить за нанесённую обиду. Пусть думают, что хотят». Магазин в пяти шагах. Витрина светится. «Сейчас зайду и скажу: “Я забыл купить фрукты на ужин...”» Магазин. Дверь. Закрыто.

Табличка «Закрыто». С 8:00 до 22:00. А сколько сейчас времени? Да, я же был тут за несколько минут до закрытия!

— Чё, не хватило?

Матвей мгновенно повернулся на голос. В тени стоял мужчина.

— Чего не хватило? — напрягся Матвей.

— Ну, тебе виднее. Может, водяры. Может, ещё чего.

Матвей понял, что это другой мужчина, гораздо старше тех парней, с которыми ему теперь уже хотелось встретиться.

— Нет. Так, просто.

— Видел, как ты мчался. Как в гальюн, кипятком посать. Хочешь анекдот на эту тему?

— В другой раз, — отмахнулся Матвей.

Он решил дойти до остановки и вернуться домой. На обратном пути знатока анекдотов уже не было. Он задумался, а что всё-таки произошло? Если разобраться, этот наезд парней в магазине был комичным, не страшным. Ну не стали бы они драться в магазине. Там камеры везде. Он видел всех. Хорошо запомнил. Не станут же они убивать его и прятать труп? Они были трезвые. Или почти трезвые. Дело в другом. Не в том, что реальной угрозы не было. В чём-то гораздо более значительном. Он будто стал другим человеком, но у него не хватало слов, чтобы объяснить себе, что изменилось.

Детство кончилось. Вот. Правильные слова. Может быть, завтра, или лучше с получки, он купит велосипед и научится кататься. Он больше не боится падать. Нет, вообще-то, всё ещё боится, но Матвей почти осознал страх, который затмил все предыдущие: страх прожить жизнь так, как разрешит Сашик, если Сашик разрешит.

Матвей пришёл на работу невыспавшийся. Он прекрасно помнил вчерашний вечер, но у него оставалось впечатление нереальности произошедшего. Как будто всё случилось во сне или с кем-то другим. Всё казалось полной иллюзией, и только намерение прожить жизнь так, как хочет он, приобрело чёткие черты. Матвей знал за собой такую особенность: до последнего момента откладывать важное решение, потому что, приняв его, он уже не сможет пойти на попятную. Так и в этот раз: Матвей сформулировал правило, которому решил следовать, чего бы это ему ни стоило: «Не бойся!»

Поглощенный мыслями, Матвей сел за стол, запустил программу вёрстки и продолжил проект, за которым вчера задержался до позднего вечера. Это была совершенно скучная реклама курсов по продажам: мужчина с улыбкой старшего Траволты и пустые слова о возможностях, открывающихся, если бла-бла-бла. Матвей проверил точность введённой информации. Убедился, что установлены верные границы модуля, нажал на кнопку «Печать» и открыл следующий проект. Матвей работал на автомате: руки и глаза споро делали дело, а мозг был предоставлен самому себе.

А немного прислушавшись, заметил, что сегодня весь отдел гудел о срочном проекте, который передали из управления. Матвей усмехнулся. Обычно это означало следующее: начальник сейчас вызовет кого-то из сотрудников, долго будет говорить о лояльности и прочей корпоративной чепухе и потом предложит доказать свою лояльность, согласившись поработать по вечерам. Потом наступит время переговоров о вознаграждении. Цифру, которую назовёт начальник, можно будет смело удвоить и потом ещё поднять процентов на 20–30. Переговоры будут долгими, но закончатся в пользу сотрудника. Начальник такой

предсказуемый! Фишка в том, что сначала он тщательно выбирает исполнителя исходя из специфики задачи, а потом говорит, что эту работу можно поручить любому более стоворчивому. В отделе это, кажется, не знал только сам начальник. Здесь главное — держаться своей линии, и он сдастся. Обычно хватает десяти минут.

По всей видимости, сейчас коллектив, имея смутные представления о задаче, которую получил начальник, обсуждал, сколько можно заработать на этой халтуре и кто получит заказ. Ещё неделю назад Матвей присоединился бы к ним, но сегодня ему было всё равно. К его столу подошла Ольга, верстальщица, работавшая в компании со дня её основания. Она была на десяток лет старше, симпатичная и бодрая, всегда в тонусе и на позитиве. Она стремилась найти подход к каждому сотруднику отдела и сделать его своим сторонником. Матвей хоть и не слишком ей доверял, но был одним из них. Ольга облокотилась на стол, приняла выигрышную позу — именно так она становилась, когда что-то хотела, и, приблизив губы к уху Матвея, спросила:

— Малыш, ты же помнишь, что за тобой должок?

— Мы же договорились. С зарплаты отдам. Можешь неделю подождать?

— Малыш, не плачь. Вернёшь с зарплаты. Я о другом. Начальнику принесли срочный заказ. Сейчас он пригласит или меня, или тебя, или Степана, твоего приятеля. Степан откажется от этой работы в мою пользу. Степан — молодец. А ты, малыш? Сделаешь мне приятно?

В другой момент, ещё вчера, Матвей сказал бы «Да». Он отчётливо понимал, что его слабостью снова воспользовались, но был бы не в силах противостоять манипуляциям. Матвей по опыту знал, что Ольга способна на многое: может распусть слухи, настроить против Матвея весь коллектив, придумать ещё миллионы разных вариан-

тов. И дело даже не в деньгах, которых она не зарабатывает, если не получит этот проект. Дело в бунте, на который решился тот, кого она считала своим сторонником. Матвей видел, что она делала с бунтарями прежде, и не хотел такой участи для себя. Боялся встать на её пути. Боялся Ольгу. Ещё вчера он боялся Ольгу. Но не сегодня.

— Нет. Если работу предложат мне, я соглашусь.

— Почему, малыш, ты так сделаешь?

— Мне нужна эта работа.

— Что ты скажешь моим детям? Ты купишь им одежду? Ты оплатишь их летний отдых? Ты меня разыгрываешь? Я поняла! Это шутка такая несмешная. Ха-ха-ха, — она выпрямилась и натужно засмеялась. — Скажи, что это шутка, и я тебя поцелую.

— Нет.

— Что «нет»? Тебе даже не предложили эту работу, а ты уже могилку себе выкопал. Ты это-то понимаешь? Понимаешь, что теперь уже даже неважно, чья это будет работа? Ты уволишься отсюда до конца месяца. Я тебе обещаю. Верни долг, кстати, сопляк!

Матвей, к своему удивлению, даже не испугался. Ольга из большой и страшной превратилась в маленькую и злую. Она и её угрозы больше не волновали его.

* * *

— Круглов, как там тебя... Матвей! Зайди, — начальник выглянул из кабинета и снова закрыл дверь.

— Ты труп, Круглов, — сказала Ольга в наступившей тишине.

— Сама ты Круглов, — сказал Матвей Ольге и вышел из-за стола. Фамилия Матвея была Углов, но начальнику шутка «Углов — Круглов» казалась невероятно забавной. Матвей был уверен, что его взяли на работу, чтобы вот так вре-

мя от времени шутить. Начальник любил рассказывать, что в молодости работал пиарщиком у одного видного политика, а там ещё и не такое выдумывал. В целом Сергей Сергеевич был нормальный мужик. Время от времени. Но не тогда, когда дело касалось работы, денег, отношений в коллективе, дисциплины, учтивости, алкоголя, обязательств. Список можете продолжить сами. Не ошибётесь.

— Добрый день, Сергей Сергеевич.

— Садись, — не глядя на него, махнул рукой начальник.

Он любил нагнать важности. Жалко, что делал каждый раз это одинаково: вызывал сотрудника, усаживал и начинал рыться в бумагах на столе, читать целые страницы или что-то чертить. Черчение сопровождалось шевелением губами и густыми усами. Интересно, он знает, насколько смешно выглядит? Кажется, он был единственным на прошлом новогоднем корпоративе, кто не понял шутки, когда один из сотрудников отдела что-то бубнил себе под нос и шевелил бутафорскими усами.

— Один момент, тут письмо важное от акционера. Это, как ты понимаешь, игнорить нельзя. Илья Викторович ждёт.

Сейчас начнёт спектакль. Скажет: «Так. Ну это понятно. Вот это задачка! Замечательно. Угу. Угу. Что ты на это скажешь, Матвей? Это не макетики верстать. Это политика!» Потом скажет: «Ты в курсе, что всё, что прозвучит в этом кабинете, должно остаться между нами? Ты слово дал». Вообще-то, Матвей не давал слова. Однако фраза о каком-то обете молчания звучала часто. Очень часто. В последние разы Матвей уже прекратил отрицать якобы данное обещание. Так что получается, он смирился с обещанием молчать. Означает ли это, что он дал слово молчать?

— Так. Всё должно остаться между нами. Многие хотели бы получать письма от акционера, в которых он что-то просит. Знаешь, что это значит?

— Вообще-то, нет.

— Это потому что молодой. Сколько тебе?

— Двадцать пять.

— Это не важно. Важно, что когда кто-то к тебе обращается с просьбой, то в этот момент у тебя появляется власть над этим человеком. Понимаешь, власть! Ты можешь выполнить его просьбу, а можешь не выполнять. Всегда ведь можно найти убедительную причину. В твоей власти выполнить просьбу наилучшим образом. А можно кое-как. Вот если бы к тебе напрямую обратился Илья Викторович, ты бы выполнил его просьбу?

— Конечно.

— Вот. А ты бы понял, что у тебя есть власть над акционером?

— Я не думал об этом.

— Вот. Это потому что молодой. И пока ты молод, акционер с просьбами обращается ко мне, к твоему начальнику. А к моим просьбам ты как относишься?

— Нормально.

— А ты чувствуешь, что имеешь власть надо мной, когда я обращаюсь к тебе с просьбой?

— Не особо, если честно.

— Ну и хорошо. У меня для тебя задание. Запиши. В папке «Проекты Углов» лежит архив. С сегодняшней датой создания. Пароль — «Круглов» маленькими латинскими буквами. Перенеси архив на свой компьютер. Посмотри техническое задание. Если будут вопросы — напиши мне письмо. Я сам перешлю. Потом получишь ответы. От меня. Работу надо сделать до конца месяца. Оставайся на работе, бери помощников. Делай что хочешь. Приоритет чувствуешь?

— Я понял.

— Ну, это навряд ли. Я буду контролировать каждый этап. В конце дня пишешь мне на почту краткую справку — что сделано, процент готовности. Вопросы?

– Нет.

– Свободен. В смысле, начинай.

– А оплата?

– Какая еще оплата?! Ты зарплату не получаешь? Иди работай, не теряй время понапрасну.

– Рабочий день у меня с 9 до 17. Мне уйти с работы в 17:00?

– Не хами, Круглов. Тебе кто доверие оказал? Иди оправдывай.

– Отдайте этот проект Ольге. Она сильно хотела им заняться. В ближайшее время я не могу оставаться по вечерам.

Сергей Сергеевич скривился при упоминании Ольги.

– Ладно, я тебе премию выпишу в этом месяце.

– Само собой, – сказал Матвей, оставаясь сидеть, где сидел.

– Чего ты хочешь ещё?

– Плату за проект. Скажите условия, я посмотрю на объём работы и завтра скажу, сколько добавить к той сумме, которую вы сейчас назовёте.

– Иди, посмотри проект и скажи сумму. И не зли меня, Круглов.

– Вы знаете, я решил, что каждый раз, когда вы ошибаетесь в моей фамилии, это будет стоить акционеру пять тысяч рублей. За сегодня Илья Викторович потерял пятнадцать тысяч. Продолжим?

– Это же шутка, Круглов! Чего ты? Обиделся, что ли?

– Сергей Сергеевич, вы – не моя женщина, поэтому обидеть меня не можете. Сумма увеличилась до двадцати тысяч. Желаете продолжить?

– Так, ладно. Тормози. Давай начнём сначала.

– Мне выйти и зайти снова?

– Тормози, Матвей. А то мы ни о чём не договоримся. Давай так, за проект я тебе плачу тридцать тысяч.

Плюс премия в размере двадцати процентов. Договорились?

— Сергей Сергеевич, я услышал вас. Подведём итог по договоренностям. Двадцать тысяч штраф. Тридцать за работу. Двадцать процентов премия за этот месяц. Ничего не забыл?

— Иди работай, — сказал Сергей Сергеевич, захлопывая книгу на столе.

* * *

— Илья Викторович, беседа с вами — истинное наслаждение. И умеете вы так вопрос повернуть, что вроде я был против, а все мои аргументы вроде как бы и за. Как вы это делаете? — спросил мужчина в сером костюме, усаживаясь в глубокое кресло напротив хозяина кабинета.

— Это игра такая. Делать жизнь окружающих.

— Делать жизнь. Какая чудесная форма проведения времени, — мужчина кивнул, потянулся к журнальному столику и взял бокал. — Прекрасный коньяк. Когда вы уже бутылку покажете, скажите, друг мой?

— В другой раз, в другой раз, Алексей Алексеевич, — усмехнулся Илья Викторович.

— Ну, тогда расскажите хоть немного об игре.

— Это я могу. Вы берёте человека и меняете его жизнь — в меру сил, конечно, и в меру совести. Сделать жизнь сложнее не составляет труда: просто поставьте задачу подчинённому, причём максимально противоречиво, а потом скажите, что он негодяй. И, если хотите совсем сорвать ему резьбу, выдайте хорошую премию.

— А правила хоть какие-то есть?

— В любой игре есть правила, и пока ты играешь по ним, ты можешь выиграть. Как только нарушаешь —

тебя выкидывают из-за стола. Ты даже не поймёшь, что произошло. Просто видишь, как жизнь проходит мимо, а ты на обочине. Есть, правда, ещё один уровень в этой игре — определять правила, по которым играют все. Но этот уровень не для меня, там может быть кто-то один.

— Кто же?

— Никто не знает. Это часть правил. Может быть, это вы. Или я. Или тот, кто следующим зайдёт в этот кабинет.

— Я хотел бы сесть за стол и поиграть.

— Дорогой мой, вы давно в игре. В тот день, когда вы впервые вошли в этот кабинет, вы оказались за столом.

— И я, судя по всему, пока играю по правилам... Даже не зная их.

— Так проверяется ваша способность к выживанию, мой друг. Но давайте сменим тему. О правилах не следует говорить открыто, и вообще они любят проявляться, но не быть выявленными.

— Илья Викторович, скажите, вы можете взять человека и сделать его успешным политиком?

— Вы хотите похлопотать о ком-то конкретном?

— Нет, что вы, я бы не осмелился. Меня интересует скорее сама возможность. Знаете, граф Калиостро, любовь на седьмой день и всё такое.

— Покажите мне человека. Он должен обладать задатками, но это вторично. Есть два главных условия: у него должна быть страсть, и, второе, я должен захотеть изменить его жизнь. Без его страсти мне нечего будет разжигать. Без моего желания мне нечем будет зажигать.

— А бывает ли так, что человек приходит, и вы видите: это готовый политик?

— Да, такое часто случается, — кивнул Илья Викторович. — Возьмёт человек да и разглядит сквозь туман бу-

дущего, как надо жить. Если уверует в видение, примет свою роль в реализации этого будущего, отказавшись от персональной судьбы, и свяжет свою жизнь с исполнением мечты, то политик готов.

— Так просто?

— Сказать просто, а увидеть будущее, ради которого можно забыть самого себя, непросто. Очень непросто. Вот вы бы взяли и попробовали. Знаете, как было бы для вашего министерства полезно? И министра бы своего вовлекли в реализацию этого будущего. Только помните, по условиям игры алтарь из себя надо будет сделать.

— Жуть какая. Я лучше пока в замах похожу.

— Походите. Пока ходите, надежда у нас остаётся.

* * *

Когда Матвей зашёл в кабинет начальника, Ольга с призывом: «Угощаю» пригласила коллег выпить кофе на первом этаже издательства. Отдел опустел.

— Кофе за мой счёт, — крикнула Ольга бармену, когда все спустились в кафе. «И так?».

— Что вы об этом думаете? — Ольга окинула взглядом собравшихся.

— Ты про Матвея? Да не обращай внимания. Он психанул. С кем не бывает, — отмахнулся Степан, приятель Матвея.

— Заткнись, ты ничего не знаешь. Думаешь, почему Матвей так себя ведёт? — Ольга начала готовить фундамент для будущей интриги.

— Почему? — Анечка подвинулась ближе к Ольге.

— Маленькая про такие вещи слушать. Ладно, не обижайся, видишь, как он меня достал, на друзей бросаюсь, — Ольга вовремя заметила, что чуть не перегну-

ла палку с Анечкой. Анечка работает недавно и ещё не полностью под контролем. Не настолько, как Степан, Матвей и прочие. Правда, с Матвеем система дала сбой. Так бывает время от времени и надо или исправить ошибку, или удалить дефект из системы. Из этого удаления Ольга ещё и поучительную историю сочинит. Это она может. Основа будет взята из реальной жизни. Мотивы Матвея будут искажены. Себе Ольга отводила роль освободительницы от скверны. Технология была уже отработана.

— Так чего ты хочешь? — спросил Стас.

— Я хочу, чтобы всё правильно было. Чтобы всё было по справедливости. Если мне эта работа достанется, то я и вам дам заработать. Не в одну харю, как Матвей.

— В прошлый раз в одну харю и сделала, ни с кем не поделилась, — сказал Степан, опустив голову и не желая стать объектом агрессии. А в том, что ответ не заставит себя долго ждать, можно было не сомневаться.

— А ты всё о деньгах беспокоишься?! Отношения для тебя ничего не стоят? Ну так и иди отсюда! Иди к своему Матвею. Поженитесь, два холостых голубка. Матвей говорил, как вы отпуск провели. Хочешь, всем расскажу?

Рассказывать было нечего. Неделя на море. Купались, загорали. Знакомились с девчонками. Тусили. Рассказывать было нечего. Но то, как возможный рассказ был подан публике, оживило ситуацию, и Степан оказался в ловушке. Что бы он сейчас ни сказал, всё будет обращено против него. Он встал, обвёл взглядом коллег и сказал:

— Я ухожу. Знаю, что вы сейчас здесь будете меня обсуждать. Мне плевать. Всё, что скажет теперь Ольга, — ложь. И каждый из вас должен понять: когда вы уйдёте, с вами произойдёт то же самое. Ольга не может расставаться с людьми по-человечески. Она будет говорить обо мне и Матвее, а вы представляйте на нашем месте

себя, поскольку те же истории она будет рассказывать через год или меньше о вас. Я готов общаться с каждым из вас и с тобой тоже, Ольга, но ты должна будешь сначала извиниться. И поскольку для тебя это немисливо — прощай, не здоровайся со мной больше, я не отвечу. Не спрашивай меня ни о чём — я не знаю ответов ни на один из твоих вопросов.

Степан вышел в полной тишине.

— Ничего не понял, взял и всё испортил. Смотрите, я хотела только показать Матвею, что неправильно противопоставлять себя коллективу. Мы должны жить дружно, разве я неправа? Если каждый будет ставить свои условия, что за атмосфера у нас сложится? Я нормально отношусь и к Матвею, и к Степану, что бы он там себе ни напридумывал, — Ольга на ходу меняла план действий. — Ладно, хватит отдыхать. Пошли работать.

* * *

Матвей вышел из кабинета начальника. К этому времени все сидели за рабочими столами и занимались каждый своим делом, лишь только несколько человек обратили на него внимание. Степан крикнул через весь кабинет: «Как поговорили, Матвей?»

— Нормально, — кивнул Матвей и, испытующе глядя на Ольгу, добавил: — У меня новый проект.

— Согласился? — усмехнулась та.

— Да, — Матвей сел на место.

— Правильно. Если так посмотреть, то ты лучше всех справишься с работой, — неожиданно согласилась Ольга и отвернулась, будто её больше не интересовал ни Матвей, ни новый проект.

— Я ещё не знаю, в чём там задача, — зачем-то добавил Матвей, будто хотел оправдаться.

— Да какая разница? Мы тут пообщались и пришли к выводу, что эта работа — твоя, а мы все, если ты захочешь, сможем тебе помочь. Только скажи.

— Хорошо, спасибо.

Все вернулись к своим делам, и только Степан сидел ошарашенный таким поворотом событий.

На время обеденного перерыва отдел опустел, и только Матвей остался на своём месте. Работы было действительно много. К завтрашнему дню ему нужно определиться, сколько времени займёт проект, и после этого он мог бы решить, нужна ли ему помощь, и следует ли ему попросить дополнительных денег за работу. Ближе к концу обеденного перерыва в кабинет вернулся начальник, но не один, а с миловидной девушкой чуть старше двадцати лет. Они подошли к столу Матвея, Сергей Сергеевич рассказывал спутнице об отделе и отсутствующих сотрудниках и сопровождал свои слова жестиком куляцией, со стороны похожей на лезгинку. Особенно хороша была спутница. Как и положено в этом танце, девушка была холодна, неприступна и далека от прозы жизни.

— А это лучший сотрудник, Матвей Кр... Матвей Углов. А это Калина. Наша новая сотрудница. Будет проходить стажировку. Знакомьтесь.

Калина кивнула и снова посмотрела на начальника.

— Вот твой стол. Располагайся. Сейчас придут айтишники, сделают тебе профиль, и начнёшь знакомиться с работой. Если возникнут вопросы, обращайся к Матвею, — начальник перевёл взгляд на него. — Матвей, можешь новенькой войти в курс дел?

— Без вопросов.

Начальник скрылся за дверью своего кабинета.

— Ты верстальщица? Имеешь опыт? На чём работала? — попытался наладить диалог Матвей.

– Опыт небольшой. В институте кое-что делала.

– К нам по благу? Сюда зелёных не берут, – Матвей осторожно прощупал почву.

– Я на практику. Неделю или чуть больше.

– Хорошо, обращайся по любым вопросам.

Калина подняла бровь, посмотрела на Матвея и улыбнулась, как ему показалось, из вежливости. В офис потянулись сотрудники с обеда, и так получилось, что по мере того как они заходили, Матвей знакомил всех с Калиной. Подошла к её столу и Ольга.

– Ольга. Я тут типа профсоюзного лидера. Так, Матвей? Если какие вопросы, сложности, кто обижает или не обижает, а должен был бы... Да, Матвей? – Ольга выдержала минутную паузу и продолжила. – Это – сразу ко мне. Мы тут все дружно живём. Ты к нам надолго?

– На неделю.

– Как говоришь, тебя зовут?

– Калина.

– Калина? Странное имя. Давай мы тебя Галя, Галина, звать будем, – по-свойски предложила Ольга.

– Устанете, – Калина посмотрела Ольге прямо в глаза.

– В смысле «устанем»?

– Устанете звать, я только на своё имя отзываюсь. А вы, Ольга?

– Непросто тебе будет, Калина, если иголки прятать не научишься, – усмехнулась Ольга. – Верно, Матвей?

Не дожидаясь ответа, она направилась к своему столу.

Калина в течение дня много раз заходила в кабинет начальника, общалась с айтишниками, несколько раз обращалась к Матвею, а за полчаса до окончания рабочего дня сказала: «Коллеги, прошу вашего внимания!» Народ встрепенулся, все выжидающе посмотрели на новенькую.

— Сегодня у меня первый рабочий день в вашем коллективе. Я не успела ни с кем пообщаться: пока компьютер настроили, пока формальности разные уладила, а мне бы очень хотелось познакомиться, подружиться. Есть здесь рядом какое-нибудь заведение, где можно было бы посидеть, чего-нибудь выпить, поговорить, а?

Все сотрудники посмотрели на Ольгу. Почти все. Матвей задумчиво посмотрел на Калину: напрасно она не посоветовалась, он сказал бы, что нужно сделать, если она действительно хочет выстроить отношения.

— Ну, у нас так-то свои планы. Надо было предупредить, — холодно сказала Ольга. — Да и не пьём мы посреди недели.

Народ, поняв, что команды «отдыхать» не будет, вернулся к своим делам.

— А у меня есть время. Я готов, — вдруг вызвался Матвей. Ему хотелось поддержать девушку, которая выглядела так, словно была готова расплакаться. — Степан, ты как?

— У меня планы, я бы стопроцентно пошел, — буркнул Степан и резко засобирался.

Ольга улыбнулась, радуясь маленькой победе.

* * *

Матвей и Калина спустились в кафе «И так?», расположенное на первом этаже издательства «Зенит».

— Вы вдвоём будете? — спросила на входе девушка.

— Мы сами выберем столик, — отрезал Матвей.

Он часто не понимал этого навязчивого сервиса. Вот и сегодня вопрос вызвал раздражение. Ему казалось, что перед ним снова стоит «Сашик» и командует, куда можно ходить, а куда — нельзя. Матвей показал на столик в углу, и они направились к нему.

— Ты не будешь против, если я позову друзей? — улыбнулась Калина. — А то вдвоём как-то грустно праздновать первый рабочий день.

— Конечно, зови. Зато ты сразу поняла, в каком коллективе тебе придётся работать.

Калина сделала пару звонков, убрала айфон в сумочку и взяла меню.

— Что ты здесь берёшь?

— Обычно кофе. Но сегодня, по случаю такого праздника, думаю, можно и пива выпить.

— Согласна.

Они сделали заказ.

— Расскажи про себя. Кто ты? Где ты? Что за имя у тебя такое интересное?

— Мне нужно время. Я разговорюсь. Спасибо, что поддержал меня, если бы не ты, я бы изгоем себя почувствовала. Сложно вы живёте.

— Ты в сложный момент попала. Я сегодня поругался с Ольгой, а она, видишь ли, лидер у нас, и большинство ей в рот смотрит. Только несколько человек сами по себе.

— А ты?

— Так вышло, что сегодня я вышел из-под её влияния, за несколько часов до твоего прихода. Если бы не это, то сейчас здесь сидел бы весь отдел вместе со мной.

— По поводу чего скандал?

— Да, понимаешь, там один проект дали в отдел, работа по которому оплачивается дополнительно. Ольга уже нацелилась на него. Подошла подговорить меня, чтобы я отказался, если Сергеич предложит мне, а я решил — хватит ей моей жизнью распоряжаться. Мамочка нашлась! Всё хочет решать и контролировать.

— Может, тебе извиниться и всё? Зачем тебе такие проблемы? Мне-то что, я пройду практику и вернусь к своему бизнесу, а тебя Ольга не простит.

— У тебя свой бизнес?!

— Мы вдвоём. У нас антикафе. Слышал? У стадиона.

— Не, не слышал. Зайду обязательно. А чего ты к себе не позвала?

— Чтобы я в такой обстановке ещё и про собственный бизнес сказала? Шутишь? Я молодая или глупая?

— Согласен.

— Да там особо хвалиться нечем. Пока научились в ноль выходить. Потом расскажу, — Калина махнула рукой и радостно воскликнула: — О, вот и мои друзья.

На пороге кафе, осматривая помещение, стояла шумная компания молодых людей и девушек, одетых в модную одежду. Матвей смутился: его джинсы модели а-ля 90-е, футболка с ближайшего магазина на рынке и андроид трёхлетней давности ясно дали понять, что среди них он чужой. Кроме того, он явно был старше их. Все представились, но Матвей запомнил имя только одного парня, Влада, который подошел к Калине, обнял и поцеловал, как целуют любовники. Это был серьёзный соперник: дорогие часы, модные джинсы, стрижка, хипстерская бородка, смартфон... Наверное, и машина есть. Матвей ступевался.

Ребята весело переговаривались друг с другом о том, кто что видел, читал, слышал, заказали пива. Влад поделился с друзьями, как искал инвестора на свой новый стартап, и сегодня, вот прямо сейчас, встречался с тем, кто вот-вот вольёт в дело миллиона два рублей. Тогда Влад сможет поднять канал и сделает что-то ещё, и его программа заработает на все сто. Как-то так вышло, что Матвей оказался отеснен в самый темный угол, и про него забыли. Довольно быстро, быстрее, чем на поминках. Собравшиеся забыли и повод, по которому они собрались, и стали планировать ближайшие выходные, наперебой предлагая места, куда можно было бы съездить отдохнуть.

— А давайте смотаемся на пару дней в Дурникино, — неожиданно для себя выдал Матвей и привлёк, на свою беду, внимание тусовки.

— В Дурникино? — удивился один из парней, пытаюсь понять, что это: розыгрыш, новый мем или что-то ещё.

— Что такое Дурникино, Матвей? Там у тебя дача? — Калина пыталась дать Матвею шанс отшутиться.

— Нет, деревня одна. В глуши. Там теперь тихо, спокойно, сады цветут.

— Нет, в глушь мы не поедem, — звонко засмеялась Калина, и тема перестала быть взрывоопасной.

Матвей был благодарен Калине за поддержку и ругал себя за то, что пришёл сюда, остался в этой компании, а теперь страдает от того, что лишён внимания и возможности говорить с Калиной. Но больше всего Матвей злил Влад. Мало того что у него свой бизнес, так он ещё и говорит про Париж и Лондон так, будто жил там. Да и Калина не сводила с него глаз весь вечер, смеялась над его шутками, касалась его руки... Матвей встал.

— Матвей, ты уже собрался домой? Рано ещё, — сказала Калина, вероятно, из вежливости.

— Давай, старик, увидимся, — Влад протянул руку. — Если есть у тебя кто с миллионом — кинь контакт. Проект у меня — огонь! Гарантирую.

У Влада был покровительственный вид и тон. Казалось, если бы Матвей стоял к нему чуть ближе, то, вероятно, Влад потрепал бы его по плечу, а, может, и по щеке. Матвей сжал зубы, чтобы не сказать какую-нибудь гадость и не потерять саму возможность видаться с Калиной и говорить с ней. Достаточно на сегодня конфликтов.

— Может, проще самому заработать? — неожиданно выпалил Матвей, желая подшутить над соперником, но вышло дерзко.